

Полчища, вздумавшие растоптать
Новое солнце всей земли.
Пусть потемнеют от ваших стай
Север и запад, юг и восток.
Пусть, обезумев, хлынет в наш край
Опустошительный черный поток.
Хлыньте к нам, гунны, со всех сторон,
С криком гортанным на всех языках,
Хлыньте набегом из всех времен —
Мы без остатка развеем ваш прах!
Пот наш горячий для вас — как вино. . .
Верьте же: потом своим
Вас в этой битве — всех, заодно! —
Насмерть мы напоим.

Ждем! . . И пока на земле не умрут
Ветер и солнечный свет,
Песня и человеческий труд, —
Смерти и нам здесь нет!
Лондон, Париж, Нью-Йорк, Берлин —
Все приходите! Ждем!
К встрече готова страна-исполин
С гордым и светлым челом.
Ждем! . . Отгрохочет последний бой —
И победивший народ
С этой планеты, такой голубой,
Черный ваш след сотрет.
И никогда не угаснет впредь
Радость, которую мы разожгли:
Радугой будет сиять и гореть
Братство рабочих всей земли.

1921

297. ЧАРЕНЦ-НАМЕ

Вашу мысль увлеку сегодня
Я, каменных песен певец,
Бездомный и голодный
Поэт — Егише Чаренц.

Я покинул отчизну рано,
Моя родина — ханский Маку.
В груди моей солнце Ирана,
Я расстаться с ним не могу.

В крови моей небывало
Горит Наири тоска...
А мозг мой алым-алым
Огнем накалила Москва.

Запах роз опалает грудь мне,
Мой мозг пылает в огне...

А теперь послушайте, люди,
Чаренца шах-наме...

1

Словно солнце огненное из Маку
Переброшенный в Наири,
Оттуда в Москву, —
Ныне жизнь свою
Солнцем,
Кровью,
Золотом
Я пою.
Каким чудом сегодня мне
Повернуть колесо моих дней?

Пусть песнь моя
Уносит вас —
В Наири,
В детство —
В Карс...

Я в Карсе
Опять,
Опять...
С опущенными губами ребенок,
Я снова
Вижу мать —

Грúди —
Подобие двух воронок...

Еще душа моя, как стрела,
Спокойно лежит на луке дней.

Вдали грустно звонят колокола...
Вот отец, в неизменной чухе своей...

Лицо как серебряное блюдо,
Точно нож кривой — его нос.
Время посыпало пеплом грудь
Черных его волос.

В своем лачаке, с рассветом
Идет за водою мать...
Слышен свист наирского ветра...
Хочется громко кричать...

И душа, протянув ладони рук,
Подобно ребенку-сироте,
Просится вдаль, на солнечный юг,
Где солнца диск блестит в высоте...

А когда моя мать
Снег волос своих ранний
Покрывала отблеском хны золотым,
Мне казалось — до самого Тегерана
Могу я дойти по ним...
В Индокитае очутиться...
Овладеть сокровищами шахской казны...

Детство...
Златокрылая птица.
Желтоватое золото хны...

2

Под солнцем спелым и грузным
Я родился в Маку золотом,
Под жарким крылом Ормузда,
В 1897-м.

Рассыпало солнце Ирана
Ширазские розы в груди,
Но ветер наирский рано
Грусть в сердце разбередил...
И едва глазам моим солнце открылось,
В старый город
Тем ветром я был унесен...
В бесцветном Карсе я вырос,
Вдали от родных сторон.
Еще спали глаза с дороги,
Когда древняя наша тоска
Обняла меня на пороге,
Словно старый верный слуга.

(В нашем доме он вырос когда-то,
Жил у деда еще, и вот
Ныне старый, подслеповатый,
Ждал, когда его бог приберет.

Мы «апи» его звали. Бывало,
Брал меня погулять старик.
Помню, всё проливал и ронял он,
И клялся душой Наири.)

Эта грусть в старом доме отцовском,
Точно кошка мурлыча, жила,
Но душа мечтала о солнце,
Улыбаясь, света ждала.

Эта грусть, что затмила смолоду
Солнце детства, сиянье дня,
Точно старый учитель, в школу
Однажды свела меня.

И на холсте моей памяти,
Скрыв Иран и солнце, она
Начертала дыханьем пламени
Старинные письма.

(Мог ли знать я,
Что этих писем поток

Для крыльев моей души
Откроет в грядущем
В положенный срок
Небес бескрайнюю ширь!

Чтобы потом,
Через горы дней,
Тысячекратно всё вернуть,
Дав белым холстам
Мои кораблей
Солнце и ветер в путь!)

Мое тихое детство,
Излучавшее свет
Небесной голубизны,
Ты как озеро
На серебряном диске луны,
Было —
И вот тебя нет!
Слабый свет твой погас,
Не успев сверкнуть...
Да и было ли ты
Когда-нибудь?

3

И вот я не мальчик, а юноша
Четырнадцать лет.
Теперь, подруга юная,
Буду петь твой далекий светлый след...

Астхик — это имя
Храню с тех пор
В горячем сердце моем,
Как парус,
Летающий в морской простор,
Пусть оно останется в нем.

О, как часто,
Чтоб душу согреть теплом,

Возвращался я в мыслях назад,
Вспоминал час за часом,
День за днем
Карса зеленый сад...

Вспоминал я —
Что?
Сам не пойму...
Того лета
Улыбку твою
Несмелую,
Бескрылую...
Рубашку мою
Помнишь — белую?..

Не помнишь?
Ах, да что там в памяти рыться!
Нет ничего.
Всё исчезло в тумане.
Осень
Унесла с собой листья —
Желтые бабочки воспоминаний.

Прости меня,
Ты была лучшей,
И ты излучала
Чудесный свет...

Но я был лишь глупым юношей
Четырнадцати лет.

4

И
Вот —
Двенадцатый год —
Помню этот миг,
Свой первый поцелуй
Отдал
Тебе,
Астхик...

Нет крыльев у памяти!
Иран...
Я хотел его пламени...
Роз Шираза, краснее ран...
Но нашел...
Распростертое...
На постели...
Холодное тело...

Прости,
Астхик Кондахчян,
Мой светлый друг, прости...
Я
В жизни
Прошел
Много разных стран,
Но оставленного
Не возвратил...

Дорогая,
Светлая
Астхик,
Прости,
Прости,
Прости...

5

И в том же году,
Между другими,
С миром сердце мое примилив,
Еще одно
Появилось имя,
Это имя —
Страна Наир.

Появилось.
Наверно, до этого не было.
Наверно, не было роз.

Явилась,
На плечи мне положив
Бесконечной печали груз.

Показалось —
Вижу
Во мгле бездорожья
Голубую девушку солнцеокою...
На древнюю пыль была похожа,
На совесть в кровоподтеках...

Были желтые раны
На губах ее, белых как мел...
Сердце ей отдал сразу,
Воспеть ее
Захотел...

.....

6

О песни первые мои,
Вас
Вспоминаю —
«Три песни»...
Кондахчян Астхик...

Я пепел совести моей
Разворошу на миг —
И никогда
В прошедшем
Не расскаюсь...

7

Я и сам не знаю,
Как случилось,
Что в конце пятнадцатого года
Я из сада в Карсе
Очутился
В армии, готовой для похода.

Доброволец.
Войско армян.
Винтовка. Пушки. Бомбы.
И вот — виноградники Вана.
И вот — Рубен, Вардан.

И вот друзья новые:
Из Нью-Йорка, Турции, Басена.
Смерть,
Смерть,
Смерть —
И никому нет спасенья —
Ни воину, ни девушке, ни женщине...

Я думал, хоть на миг
В этом огненном окруженье
Найду твой светлый лик...

Но нашел только трупы стынущие
И увидел землю одну,
Которую ты покинула,
Спасаясь от черных пуль...
И спустилась тоска старинная
Всей тяжестью мне на грудь...
И как чудо блеснул передо мной
Твой неуклонный путь...

8

(И кому какой интерес,
Что в те дни в Тифлисе оповещение
Напечатала типография «Прогресс»
О руке моей, сломанной при паденье?
И «Гир» на витрине, серой от пыли,
Книжонку малюсенькую положил...
Кому в сердце стихи мои
Боль заронили?
Кого тронул строк моих
Дантовский пыл?)

9

А
Потом
В пятнадцатом году,
Когда я по Москве бродил,
Я почувствовал ужас
И, точно в бреду,

Трепет
Могучих крыл...

Казалось,
Последний мира шатер
Встал предо мной,
Но вновь поднялся
В небесный простор
Иранского солнца
Щит золотой...

В душе зажглись среди темноты
Огни ширазских роз...
О сердце мое, запуталось ты
В прядях девичьих волос...

Проснулись года, как заржавший табун,
Пронесшийся в тишине...
Проснулась любовь...
Карине Котанчян,
Далекая Карине...

10

«Радуга»...
Солнце там
Сквозь наирский туман
Запылавшую душу мою пленило,
Чтоб погас навсегда
Огонь моих ран.
Жарким солнцем Ирана была
Наири заплаканная голубизна...
И тоска гнетущая всё росла,
Золотыми огнями зажжена.

(Еще не было в этом холодном мире,
Еще не было солнца-Наири...)

11

Москва.
Семнадцатый год.
В сердце — солнце Ирана пылающее.

Это жадное солнце
Хотело сжечь
Год
Наступающий.

Январь.
Февраль.
Двадцать шестое...
Оторвалось, как камень от скалы...

Солнце-рабочий,
Красный от зноя,
Покатил, расшатывая миры...
Что?
Глыбу.
Камень громадный,
Что века
На наших плечах покоился,
Сосал нашу кровь жадно,
Дышал холодом полюса.

Покатился.
И вдруг —
Миг ли, два ли —
Помедлил,
Прежде чем упасть с вершины.

Впереди открылись бездонные дали.
И раздавил он старую машину...

. . . . .
Остановился в самом начале,
И так стоял в тишине...
Позади — годы, как мрачное небо...
Медлил,
Точно боялся разбега...
Карине...
Глупая Карине...

В душе моей солнце Ирана
 Пылало диким огнем,
 И грусть Набри, как рана,
 Таилась в сердце моем.
 И зачем летел он за мною вдаль,
 Сокол страсти твоей наяву и во сне?
 Обаянье плоти твоей — печаль...
 Карине...
 Туман-Карине...

Как камень, застрявший в дороге,
 Что сорвался с горной гряды,
 Душа в непорочной тревоге
 Ждала последней беды.

Должна была камнем упасть
 Тоска по тебе, Карине,
 Чтоб грусть Набри слилась
 С иранским солнцем во мне.

И вот —
 Июнь,
 Июль...
 И вот —
 Сентябрь,
 Октябрь...
 Молот встретился с наковальной.
 Посыпался град ядер.

Красные бомбы песней кровавой
 Взорвались в мозг моем...
 И я отдал мечты мои
 Ветру шальному
 Под этот грохот и гром.

И тоска по тебе упала,
 Как камень, давивший грудь.
 И с солнцем Ирана смешалась
 Набри вековая грусть...

Дата жизни —
 Восемнадцатый год.
 «Вечер».
 «Возвращение».
 «Утро».
 Душе от старых оков
 Освободиться так трудно...

Восемнадцатый
 Огненный год.
 Всесожжение в красном огне...
 С новым звоном во мне
 Наирское солнце встает.

Пожар.
 Бесконечный огонь.
 Кровь незаживших ран.
 И вдруг — тоска по тебе,
 Как луч, пронзивший туман...

Всесожженье.
 Восторг.
 Свет и гром.
 Растрата страсти вдвоем.
 И души свободной полет...

Это был восемнадцатый год.

Сома...
 Люси Тараян...

(Жгучее льется вино,
 Разгораясь в сердце моем,
 В крови моей зажжено,
 Разрывает давящий гнет,
 Она — там, она — есть, она — вот,
 Эта женщина, эта страна...

И толпа огню предает
Землю, где рождена.
Она там — Люси Тараян —
Средь ширазских роз и лучей,
Средь наирских гор и полян,
На просторах скифских степей. . .
В душах тех, кем пожар зажжен,
Кто страну огню предает. . .
Запылал земной горизонт. . .

Так было в тот красный год. . .)

16

Девятнадцатый.
Красная Армия.
Разлились
Черные потоки.
И повсюду звенят твои яркие,
Крылья твои широкие.

. . . . .
Станция.
Войска.
Войска.
Красные воины.
Ночь близка.
И над красным войском
Повис
Черный мрак
Ожидания,
Страшный, глубокий. . .
А там — взгляни —
Видны
Огни,
Неясные, далекие. . .
Утром
К плечу плечом
Встанем
И в бой пойдем.
Врагу —
Разгром. . .

. . . . .

Это было здесь — не в веках, —
В девятнадцатом году.

О, как была велика
Тревога в моем мозгу!

Душу я отдал огню,
Чтоб ее окутала алость...
Это здесь
В девятнадцатом году
Начиналось...
Красная Армия собралась,
Отряд за отрядом,
И во взорах людей зажглась
Радость, яркая радость.
И был так близко —
Просто рядом —
Тот грядущий мир,
О котором мечталось...

Даже лист последний — и тот
Верил, что ЭТО придет...
Оно было там, за окном где-то,
На восторженный лик его
Солнце пролило столько блеска!..

Никогда не забуду тебя —
Тараян...
Станция Тихорецкая.

17

(И разве,
Товарищи
Красноармейцы,
Этот бой
Не воспел я тогда же?
Я посмотрел на синие рельсы
И понял: всё это наше.

И в красном пожаре пылали,
Стремясь друг к другу,

Дождливый туман
Древней, как мир, наирской печали
И солнце твое, золотой Иран.

Я понял: для того чтобы вы могли
Стать одним целым, необходимо,
Чтоб раньше соединились огни
Парижа
С огнями Пекина.

Еще должен огонь
Опалить нам грудь,
Жечь сердца нам, ярый и красный...
Но я нашел, нашел уже путь,
Пусть бесформенный, шаткий, неясный...)

18

Страна Наир меня зовет
Своей тоскою древнею.
К концу подходил девятнадцатый год,
Когда я вернулся в Армению.

А там опять
Кровь и мрак —
В городе Ереване
Хумбапет Дро, дашнак,
Поднял трехцветное знамя.

Поднял вблизи Масиса.
И хлынули слезы народные.
И тени
С землистыми лицами
Наполнили город голодный...

Куда
От боли мне деться?
Как камень она тяжка...
Мне снова привиделось
Детство...
И Карс —
Моя тоска...

. . . . .

Карс.
 Конец девятнадцатого года.
 То же небо как шелк,
 Солнца синий котел,
 Те же журчащие воды.

Но солнце напрасно трогает
 Глаза ослепших зданий,
 Напрасно даль Наири
 Слушает вод журчанье...

Виденных в детском сне людей,
 Похожих на тени,
 Милых до боли,
 Не было больше со мной...
 Превратилось в точило мечей
 Детство мое голубое,
 Зеленый тополь мой...

И зачем мне смеяться, когда, в свой срок,
 Взволновав весь зал и фойе,
 Важный критик
 Вдруг громогласно изрек,
 Что родился великий поэт...
 Что с песней вместе горит
 Пламенный этот певец...
 Ликуй, страна Наири,
 Ликуй, Егише Чаренц.

Двадцатый год.
 Ереван.
 Февраль.
 Март.
 Май...
 Привет,
 Товарищ Сарухан,
 Мусаел,

Авис,
Тавакал...

Привет всем вам,
Вашей воле,
Твердой как гранит,
Жгучим огням Москвы,
Алым розам твоим, Иран.

Ереван.
Первое мая.
По улице Астафян
Идет за колонной колонна.
Восторженные лица...
И красные знамена
Встают перед Масисом,
Как пламя полыхая.

Все, все
Идите,
Кричите,
Пусть крик ваш
В небе потонет!
Зигзаги на дорогах —
Это несутся кони,
Ереван, как брата с сестрою,
Соединив с Москвою.
Сыплется прах старых зданий
От ударов
Железной длани.

Грядущего света блик
Горит у меня внутри...
Обретя свой подлинный лик,
Встала радостная Наири.

Двадцать первый раздел.
Двадцать первый год.
В двадцать первом году — что случилось?

Пусть душу грядущее вберет,
Чтобы солнцем она озарилась.

Читатель, дай своей песни ножом
Рассеку души твоей нервы...
Я был Красной Армии бойцом,
Наирской армии первой.
И впервые Масис наш, седой, как пророк,
Тогда увидел воочью,
Как чудо, о коем мечтать не мог, —
Борьбу наирских рабочих.

А
Когда я
Домой вернулся, там
Уже ждала меня
Наири... эта женщина-мечта,
Губы — розы,
Глаза — два огня.

Так много лиц прошли, маня,
Но в сердце навек твой лик,
О светлая любовь моя,
Арпик, моя Арпик...

. . . . .

22

Теперь я живу в Москве,
В голове у меня золотой вихрь.
Роберт Оуэн у меня в голове,
Он теперь грядущее сторожит.

Стихи, поэмы пишу. Спешу
В мечтах к грядущим мирам.
Наири моя, тобой дышу,
Люблю тебя, огненный мой Иран.

Я теперь далеко от вас... Но нет!
Я сегодня ближе к вам из Москвы,
Как стрела, за бегущей газелью вслед
С натянутой спущенная тетивы...

Было в душе моей три стрелы,
Прилегающих плотно к луку дней.
Теперь умчались, взлетев из мглы
В радостный вихрь
Зоревых огней.

Не забуду вас, —
Ныне слились вы в одной, —
Скоро мы вот так полетим
С тетивы времен, трехконечной стрелой
Куда-нибудь в Индокитай, Пекин. . .

Примите меня, я предан вам —
Ты, Москва, пылающая огнем,
Мой золотой, золотой Иран,
Моя Наири, мой отчий дом!

1922

298. Я И ИЛЬИЧ

*Эпизод из моего путешествия,
совершенного на машине времени Уэллса
в 2500 год*

Туда, во время. . .
Ни одного усталого мускула.
И ты.
И он.
И я.

Разрезают воздух
Года. р
Моя воля — машина
Накануне пуска.
Уэллс — мысль моя.
Лечу.
Мысли летят.
Года проходят:
10, 20, 50. . .

Что это?
Как будто просыпаюсь. . .